

Запомни это имя

Далеко внизу, на земле, шёл бой. Моторизованные части противника прорывались на советскую землю. Огонь нашей артиллерии и авиации сдерживал их движение.

Чёрные пятна танковых скоплений и сгрудившиеся бензиновые цистерны говорили о заминке в боевых действиях врага. Но вот снаряд вражеской зенитки разбивает бензиновый бак самолёта Гастелло. Машина в огне. Выхода нет.

Что же, так и закончить на этом свой путь? Скользнуть, пока не поздно, на парашюте, и, оказавшись на территории, занятой врагом, сдать в постыдный плен? Нет, это не выход!

И капитан Гастелло не отстёгивает наплечных ремней, не оставляет пылающей машины. Вниз, к земле, к сгрудившимся цистернам противника, мчит он огненный комок своего самолёта. Огонь уже возле лётчика. Но земля близка. Глаза Гастелло, мучимые огнём, ещё видят, опалённые руки тверды. Умирающий самолёт ещё слушается рук умирающего пилота.

Машина Гастелло врывается в «толпу» цистерн и машин — и оглушительный взрыв долгими раскатами сотрясает воздух.

...Запомним имя героя — капитана Николая Францевича Гастелло.

Первый и последний бой

...В августе ночи тёмные. Правда, небо всё в звёздах, но на земле ничего не видно — одна чернота. В такую ночь Саша с товарищами выступил на фронт. Пушки везли на лошадях. И снаряды на лошадях. Поскрипывали колёса повозок, лошади фыркали, и больше никаких звуков не было. Редкие команды отдавались вполголоса. Где-то очень близко затаился враг...

Как только солнце поднялось над краем земли, началось сражение. В одну минуту утренняя тишина сменилась грозным грохотом. Гудели и земля и небо. В небе шли самолёты — то чужие, то наши. На земле громыхали танки, взрывались бомбы и снаряды... Саша отбежал от повозки, лёг за кочку и стал стрелять из своего карабина — винтовки с коротким стволом. Он стрелял туда, откуда раздавались автоматные очереди, но скоро у него кончились патроны.

Саша выпряг Зайчика, хлопнул ладонью по крупу и тихо проговорил:

— Беги, Зайчик...

Конь переступил на месте, но не двинулся. Он чувствовал, что пришла беда. Уши его настороженно поворачивались, тёплые ноздри втягивали луговой воздух, к запаху которого примешивался запах врага.

— Да беги же!.. — прошептал Саша. И Зайчик побежал.

...Фашисты, все десять, уже подошли и к Саше. Когда их руки готовы были схватить артиллериста, он поднял над повозкой снаряд и ударил им по другим снарядам.

Тысячи осколков засвистели над травами. Подхлестнутый этим свистом, Зайчик поскакал по лугу. От быстрого бега вокруг Зайчика образовался ветер. Ветер развеивал гриву и хвост, бил в глаза и ноздри. Ветер пахнул пороховым дымом, раскалённым железом, сгоревшей землёй. Этот запах шёл от бугра, за которым били пушки. Он шёл и из ложбины, где славно закончил свой первый и последний бой артиллерийский командир.

А. Митяев. * Из рассказа «Шестой — неполный»

Память о сорок первом

О, рассвет после ночи бессонной,
И трава в оловянной росе,
И шлагбаум, как нож, занесённый
Над шершавою шеей шоссе!..

Мы шагаем — и головы клоним,
И знобит нас, и тянет ко сну.
В дачном поезде, в мирном вагоне
Лейтенант нас привёз на войну.

Нам исход этой битвы неведом,
Неприятель всё рвётся вперёд.
Мой товарищ не встретит Победу,
Он за Родину завтра умрёт.

В. Шефнер *

БОЙНА